

А.В. Манин-Уралец

**Золото
Южноуралья
Книга 3
1761-1922**

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья
Книга 3 1761-1922

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Золото Южноуралья Книга 3 1761-1922 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

Книга повествует о возникновении с 1761 г. горного дела в Троицком уезде у поселка Пласт с главными Кочкарскими приисками, на месторождениях у казачьей крепости Боровой Санарки, где вслед за серебром, медью и свинцом в 1799 году было открыто и золото. Сведения о количестве добытого с 1867 г. драгметалла в Оренбургской губернии с Миасской и Кочкарской системами приисков, о первых «китах» золотодобычного промысла, об исследовании региона геологами и учеными, становлении здесь промышленности, техническом оснащении заводов, фабрик и рудников на «отводах» и «дистанциях» с внедрением первых драг и паровых насосов, о добытом золоте до 1900 года, включая найденное мальчиком башкиром - нового самородка-богатыря весом в 20 килограммов и о высоком курсе «Золотого рубля» в 1922 году.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья Книга 3 1761-1922

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВЕРХНИЙ ПЛАСТ

ГЛАВА I УДАЧА

Кочкарский район относился ранее к так называемому Троицкому уезду. Впервые в уезде горное дело возникло в 1761 году, в 25 километрах южнее поселка Пласт, где находятся ныне Кочкарские прииски, а именно: рядом с Верхней Санаркой, бывшей казачьей крепостью Боровой Санаркой. В 1761 году поисковые разведки обнаружили небольшое полиметаллическое месторождение, на котором и была организована «добыча свинцового блеска, медного колчедана и самородной меди», — напишут ученые. Замечательный исследователь Кочкаря Н.К. Высоцкий также не забыл об этом: с 1761 по 1765 год «работался» казной Санарский рудник. «Здесь руды, содержащие серебро, свинец и медь, получались промывкой из глинистых пород». Но, в общем, добывалась там свинцовая и медная руда. Высоцкий же ссылается на работу русского академика П.С. Палласа «Путешествие по разным местам Российского государства», который тоже в своем путешествии не обошел рудник Санарский, следовательно, в те годы действительно было на что здесь посмотреть, может быть, и на само золото. Скоро его тут обнаружится много.

«Труды искателей золота на Урале были увенчаны в самом конце XVII века открытием золота в одном из наиболее прославленных впоследствии золотоносных районов, известном теперь под названием Кочкарского», — пишет профессор В. В. Данилевский. Историческая дата открытия — 1799 год, 17 января. Отставной казак Родион Волхин из Чебаркульской крепости Троицкого округа Оренбургской губернии подает донесение в канцелярию Главного заводов правления в Екатеринбурге. Подробно: «Прошлого, 1798 года, найдены мною той же губернии от Санарской крепости в 10 верстах по течению реки Санары на левую сторону в горе прииски: 1-й примерно от оной реки в одной, 2-й от того в 5-и, а от сего 3-й в четырех, а от него 4-й в одной версте, да также и у запустелого рудника, состоящего от Санарской крепости в 7-и верстах вниз по течению речки Теплой найдено руды, наваленной в грудах, примерно до 1000 пудов, где прежде работы производили назад тому лет с 30 посланные от бывшей канцелярии Главного заводов правления чиновники...» Пробы показали, что в руде первого прииска, который от речки Санары примерно в одной версте, в 10 пудах содержится золота три четвертых золотника.

В том же году была сделана еще одна заявка на открытие золота в том же районе. Это казак Уйской крепости Оренбургской губернии Спиридон Фоминых с товарищами объявил о находке золота по рекам Санарке, Ую и Увельке, проходящим, как известно, в районе Кочкарской системы.

Однако тогда при обследовании мест, указанных казаком Фоминых, не придали им должного внимания: заявленные прииски признали «дальнего внимания не заслуживающими».

Рабочий поселок кочкарских приисков, разбросанный на версты, получает название Пласт после открытия здесь золотой россыпи, «большого пласта». Это произойдет спустя примерно полвека после открытия золота Волхиным. Но само Кочкарское поселение значится на карте еще 1800 года, причем на карте довольно серьезной — Троицкого уезда; здесь обозначена, скорее всего, станица, а это означало — постоянный населенный пункт.

Пластовский краевед Михаил Николаевич Демидов рассказывает: «Хорошие места выбрали наши предки для поселений! Посмотрите, как расположились Поляновка с Захаровкой: посредине — речка Кабанка, неподалеку — березовые перелески со множеством ягод и грибов в летнюю пору. Вокруг просторные пастбища, плодородная земля для пашни. Или Борисовка — тоже на берегу речки Каменки стоит, близко сосновый бор и луга, и пашни. Кто же и когда здесь поселился? Наверное, этот вопрос интересен и школьнику, и взрослому...»

Да, это действительно так.

В статье Г. А. Турбина «Из истории русских городов Южного Урала», опубликованной в «Краеведческих записках» (издание Челябинского областного музея, 1962 г.), говорится: «...в 1826—32 годах курские переходцы заселили деревни Поляновку и Захаровку (теперь Пластовский район)... Тамбовские Спасского уезда однодворцы основали вместе с «куряками» Тимского, Курского и Старооскольского уездов деревню Борисовка (современный пластовский район). ...В настоящее

время в Поляновке и Захаровке проживают семьи с теми же фамилиями, которые были на «старине», то есть в Курской области, если не считать недавних поселенцев». В 1842 году однодворцы в Поляновке и Захаровке были определены казаками и с той поры сознательно меняли весь свой уклад по казачьему образцу. Мужчины носили казачью форму, женщины также подражали казачкам в одежде, манерах. ...Переселение указанных однодворцев последовало на «казенные» земли Челябинского и Троицкого уездов по распоряжению - министерства финансов после 1824 года. Основная причина переселения однодворцев — ужасающая бедность, малоземелье при большой скученности населения и «огораживания» однодворческих земель помещичьими.

Скоро этот район захлестнет «золотая лихорадка». Дело в том, что по трезвому разумению царское правительство разрешило частный промысел, то есть производство горных работ на казачьих землях. После указа от 25 ноября 1842 года один за другим открываются прииски в разных районах, вскоре и на землях Кочкарской да Кособродской станиц. Туда потянутся «предприимчивые таланты» из всякого рода камергеров, хорунжих, купцов и даже князей и баронов.

Но прежде еще, свидетельствует история, «после высочайшего утвержденного положения», позволившего золотой промысел на землях казачьих, первым заявителем золотого прииска явился хорунжий Оренбургского казачьего войска П. Е. Кольин, принявший в 1843 году в Кундравинской станице два отвода: прииска «Быстрого», по реке Бузгуну, и прииска Аннинского, по реке Сардаузаку. Работы на этих приисках он начал с 25 апреля 1844 года и в первый год на «Быстром» добыл девять с лишним фунтов золота, а на Аннинском — всего 54 золотника 87 долей (230 граммов).

Если добыча золота до сих пор не могла вестись, а тем более как-нибудь основательно, то теперь каждый хваткий хозяин не преминул бы воспользоваться данным императором правом.

На Кочкаре первооткрывателем явился купец Бакакин, выходец из Миасса, когда через два года, а именно 11 октября 1844 года подал свою заявку, сразу же после того, как принесли ему любопытные пробы работные люди, промышлявшие в карьерах при добыче известкового камня на известь. Они заметили там желтые «знаки». Бакакин увидел в них золото.

26 мая 1845 года Уральское горное Екатеринбургское управление по просьбе Бакакина посылает к нему человека — межевщика. Межевщик, погостив за столом у Бакакина и оставшись довольным, пошел посмотреть на место, оно было в 3-х верстах от выселка Каменного, и отмежевал ему, удачливому хозяину, солидный отвод по Крутому логу речки Каменки. Как раз в казачьих землях Кособродской станицы.

— Работай, горщик, — удачи! Нарезай пласты и грей золото! — И многозначительно посмотрел себе на карман: мол, а мы-то чинушки, как-нибудь уж, от ваших щедрот...

Бакакин был счастлив и щедр. Он был умный человек и знал, что не продешевит в любом случае. Мало ли его, золота, много ли, а он первый и, значит, в обиде впредь не будет оставлен нигде.

Хват-купец Бакакин нерядовой считался фигурой среди деловых людей на всем Урале. Сделав свою заявку на Каменно-Павловском прииске (ныне Андрее-Юльевск), он вот и здесь учуял великую прибыль. А это и впрямь оказался первый в кочкарской системе прииск, за которым, свидетельствует время, наступит целая эра освоения месторождений рудного золота, длящаяся до сегодняшних Дней, и конца ей не видать! Начало ей положено 18 ноября 1845 года.

Но все же первые начинания оказались не вовсе удачными, было намыто купцом в первый год лишь полтора килограмма золота. Зато впоследствии пошли в его казну хорошие намывки.

А всего с 1845 по 1894 год здесь, на этом маленьком Каменно-Павловском (Андрее-Юльевском) прииске, было добыто драгоценного металла около полутора тонн.

Вторым продолжил золотую славу Кочкаря прииск Еленинский в Кособродской станице по речке Каменка. Заявителем тут был камергер Рюмин. За ним следовали купцы Булов, Якушев, чиновник Ахматов, и к 1849 году на землях Кособродской станицы действовало уже 7 приисков.

Начавшись хорошей золотодобычей в 1854 году верстах в 15-и южнее Пласта, на Каменно-Павловском приисковые работы продвинулись позже по речке Осейке на север (этот путь указали дальше речки Черная и Кочкарка) и Каменному логу, вдоль которых пытливые старатели и рудознатцы добрались до главных подземных кладовых. На новом месте появилось 57 приисков! Они росли как грибы по благоприятной погоде. За три первых года, а то и раньше, но именно к 1857 году здесь насчитывали до 70 приисков. В год ими добывалось около 60 пудов золота. Из всех приисков по богатству выделялся Успенский, где начали добычу с 1851 года...

Каждый прииск, обладал ли он славой богатого или богатства среднего, или малого, но все одно золотого, имел свой характер, как, должно быть, имел его каждый хозяин, дававший прииску свое имя, и управляющий, и смотритель; как

имели его старшие полицейские чины, их помощники. В конце концов, все это накладывало свой особенный отпечаток на характер жизни простого делового народа, что горбатился тут за свой рабочий кусок.

Пока существовал в этом районе крупный золотодобывающий промысел, владельцы приисков при помощи государственных служб привлекали на свои россыпи и рудники множество самого разного населения из всех районов России и, конечно, самого Урала и Приуралья. История показывает, как нещадно относились к своим рабам иные нерадивые хозяева-золото-промышленники и что нередко за этим следовало большое недовольство народа, неповиновение и бунты. Власти не раз посылали своих инспекторов, чтобы поставить на место оголтелых начальников. Порой специально приезжали из Санкт-Петербурга, пытались добиться какой-то правды для работного люда. Но едва ли сводили строки со строками в своих отчетах, докладах. Дела всюду оказывались страшно запутаны, проблемы застарели, а общая нищета и раздор, царившие в районах извлечения золота, указывали на то, что наведение справедливости где бы то ни было дело безнадежное.

Рабочие самовольно уходили с приисков, хозяева их сгоняли на место, те бунтовали. Это было нередким явлением. Не обошло оно стороной и район приисков современного города Пласта. Как раз в то самое время существовало тут 70 приисков — с богатейшим Успенским и менее благополучными Мариинским, Устиновским и другими.

1856 год, конец июня, 29-й день. Такая картина: рабочие люди, нанятые по контракту из башкир Троицкого и Уфимского уездов 8-го кантона, всего 185 человек, самовольно собрали пожитки и ушли с приисков.

Исправник Мариинских золотых приисков тут же поспешил к попечителю кантона начальнику Кылысбаеву.

Почему твои башкиры бегут, знаешь?!..

Знаю, исправник, не шуми, — ответил тот, чуя за этим «знаешь» и угрозу, — сделаю, что смогу, — он разводил руками и видно было: в успех не верил, но угрозы боялся.

Кылысбаев вызвал своего урядника Рахмангулова, у них состоялся свой серьезный разговор. Урядник тоже боялся, и от того сумел-таки силой возвратить на место 167 человек. Почти три недели потребовалось ему на это. Тем временем прибыл ревизор Чупин.

Башкир скучили, они стояли понурые, все злые. И отчего-то особенно роптали женщины. За мужей боялись? Исправник, видя это, с ухмылкой постукивал плетью по черному сапогу и поглядывал на доверенного прииска Водовозова: «Что

делать, решай. Знаешь требования? Доигрались!..» Он понимал, что это дело просто уже не решить: башкиры заявили, что «не пойдут дотоле, пока не разрешится поданная от них на золотопромышленника Устинова и другая жалоба».

Как лицо «незаинтересованное», Чупин стоял отдельно, но хотелось поближе к стороне, башкирами обвиняемой. Бывший по выбору артельным старостой Ильяс Ибрагимов выступил вперед из толпы, подал ревизору Чупину «почтовую расписку в подаче от них г. командующему башкиро-мещерякским войском прошение».

- И за этим я, как и вся артель моя, работать отныне не будем! — заявил он при этом. И зря. Чупин сам вспыхнул до корней волос от таковой дерзости. Видно, этот Ибрагимов имел тут над прочими волю. Зачем им тогда потребовался ревизор?! Рядом колыхнулись ряды казаков, бряцнуло острое оружие. Он уже сам хотел приказать отделить этого зачинщика от толпы буйствующих, когда казачки легко и привычно стеснили Ибрагимова. Тут же раздались вопли.

Народ, подняв руки с кайлами и лопатами, налетел на казаков, и несколько из них повалилось с лошадей. Кто-то теперь седлал казенных коней и звал на битву. Дело грозило перейти в кровавую бойню. Ожесточение башкир было очевидно крайним. Да только казаки, выхватив сабли, не посмели рубить безоружных. Стирая с себя кровь, они злобно ждали команды. И боялись ее. Тоже люди. Башкиры же, окружив Чупина, бледного от страха и негодования, требовали: «Давай расчет! Увольняй в дома!.. Все равно уйдем! Подавитесь нашим потом вместе с деньгами!» Громко на битву кричали возле двое, и исправник узнал пару крепких башкир, это были Фахритдин Абдулхаиров и Бурханитдин Батыршин по кличке Батыр. Батыр первый схватил какую-то длинную палку с привязанным к концу платком, другой же взял метлу и тоже потешно закрутил ею в воздухе над головой. Десятки голов обратились к ним, и они «с большой дерзостью кричали к своему народу что-то по-татарски...»

Казаки тем временем собрали ряды, сомкнулись. Потеснили толпу, Батыра с его товарищем схватили. В общем, было жалко рабочих, затеяли бучу, а смысл?.. Ведь Устиновский прииск — в пределах оренбургского казачьего полка № 6. Нет, смысла бунтовать было мало. И женщинам тоже, которым дергали косы, и их ребятишкам, коим тоже досталось. Но досталось и казачкам. Волнение было подавлено только через три дня, 26 июля, с помощью прибывшего пополнения казаков, видимо, из полка.

Известно и о других случаях, когда люди впоследствии «пожалели об опрометчивом шаге своем». Да только ничего не могли поделать с собой: злоба копилась.

Так, 27 июня рабочие башкиры Александровского прииска Баженовой в числе 91 человека с малолетками также самовольно оставили работу. Через неделю (4 июля) их вернули, «но 8 июля в 5 часов по полудни, всего в числе 98 человек, вооружившись рычагами, снова ушли и, когда горный исправник останавливал их, с криками и ругательствами делали ему угрозы и толпой отправились по дороге в дер. Кулушеву».

В конце концов, оренбургский и самарский генерал-губернатор вынужден был признать, что причиной побега башкир с золотых приисков Устинове и Баженовой были злоупотребления промыслового управления.

Также хлебнули на земле Кочкаря своего старательского «счастья» искатели золота, имевшие немалый опыт извлечения драгоценного металла из песков Миасса. Пожалуй, одними из первых они отправились на прииски Андрее-Юльевской группы россыпей, эти заранее знали, почем фунт лиха золотого. Каждый немало испытал или научен был от родителей и соседей, а заслышав о богатой золотом новой стороне, старательно собирался в путь. В подводы и таратайки складывались снасти старательские, машерты и валки, плетеные «пестерюхи» для переноса песка из шахт и другое. Да, все-таки ехали под палки начальников, но с надеждой разбогатеть, «расстараться», может быть, до купечества.

Время большого недовольства, нищеты, надежд и исканий. Время новых открытий, обогащения, продолжения жизни. Время пополнения отечественной казны притоком чистого золота. В этом благодатном крае к 1867 году 127 действующих приисков добывают 32 пуда драгметалла в год. Заметно меньше, чем в пору расцвета, ибо вырабатывались хорошие россыпи быстро, лихорадочно, жадно. Наконец, золотопромышленники подались на Гороблагодатскую и Монетную казенные дачи — на Средний Урал, которые тоже теперь были открыты для частного золотопромысла. Кочкарь становится краем мелких старателей.

Центром кочкарской системы приисков является уже Воскресенский. От него до Андрее-Юльевской системы приисков на десятки верст расстояния возникали все новые и новые «дудки» — новые старательские шахты. Возле них ставились балаганы с крышами из дерна, из пластов. Обживались здесь, уповая на бога, пришлые из Невьянска, Тагила, Висима, Златоуста, башкиры из-под Уфы, татары из Казани и ее округи, а также из Чистополя, Троицка. Вскоре тут обозначится зарождение нового города. Рядом соседствуют дома Подкорытовых и Мухаметшиных, Губиных и Ахметшиных, Шалашовых и Ахметзяновых... Появятся известный Карашкин аул, в стороне Новотроицка Юнусов аул и другие.

Основные хозяйственные, торговые, жилые постройки собираются, главным образом, у самого поселка Кочкарь. Он становится своеобразным торговым центром.

Статья Дэви в «Горном журнале» (февраль 1896 года) свидетельствует, что старатели всей этой группы приисков отоваривались провиантом и фуражом именно в Кочкарском поселении, хотя имелись поближе от них другие казачьи селения, такие как Каменное, Борисовка и известная всем Кособродская. Да, именно Кочкарь становится торговой империей всех приисков. А название «кочкарская система» вскоре становится официальным. Спустя 50 лет после образования первых групп приисков, то есть начиная с середины XIX века, в Кочкаре процветает, угасает и вновь процветает множество самых разных кустарных заведений кузнецов и сапожников, жестянщиков и хлебопек, пимокатчиков и гончаров... Кое- что свозится на бойкое место из Троицка и Миасса, Кундратов и Челябинска. Наверное, везли на базар свои изделия и продукты и жители «села мужичьего», называвшегося также Агафьино, а позже ставшего известным как Демарино (в 1798 году оказавшееся владением майора Ахматова). Село считалось мужицким, потому что жили в нем крепостные поселенцы из центральных губерний России, которые, надо думать, так же, как и казаки Борисовки и Санарки, Поляновки и Кочкарского, уже почитали себя свободными искателями счастья. Но главными заправилами, китами промышленности и меценатами станут в первую очередь те, кто прибыл с тугим кошельком. Прибудут вскоре Симонов из Миасса, знаменитые Прибылевы, Тарасовы, известная купчиха Рязанова... В разное время предприимчивыми людьми, создающими Кочкарскую державу, будет заявлено в этих местах свыше четырехсот приисковых площадей.

Но настоящая, самая громкая слава удивительного Кочкаря связана с именем невянского делового человека с подвижнической фамилией Подвинцев. Прибыв сюда за поиском золота в «песошных толщах на пласту», он первый откроет золотую руду Кочкаря.

Как показало время, россыпные месторождения золота в Кочкаре все лее не представляли по-настоящему мощных месторождений и поэтому к 1863 году были в основном отработаны. В этой золотоносной системе в начальный период разрабатывались исключительно россыпи. Мало кто подозревал, убираясь в другие края, в основном на Средний Урал, что первая золотоносная жила, о которой прослышали в 1862 году после разведки Подвинцевым своих россыпей на Успенском прииске, явилась предвестником немислимого сокровища мира, спрятанного под выработанным «песошным пластом».

...Подвинцев, подсчитывая свое золото фунт за фунтом, пуд к пуду — их было всего несколько у него (и об этом мало кто ведал, кроме высшего казенного начальства да доверенного казначея)— время от времени обращал свой взор на Березовское. Там казенные работы на жильное золото продолжали давать большую прибыль. Теперь он мечтал, по бедности песков, что, может быть, найдут полезную жилу и здесь у него, на Успенском прииске.

Сейчас он это предположил, поскольку кое о чем имел непростую догадку. Он своими глазами видел выход кварцевой жилы. Это было несколько месяцев тому, и сейчас, когда ему сообщили, что самое крупное золото прииска находят именно там, задумался об этом подробнее. Как раз на том месте он установил вашгерд, мыл пески, разбрасывая по сторонам куски кварца из шлихов. Кварцевые куски до той поры у него не попадались больше нигде. Значит!.. Подвинцев, наконец, не выдержал. Возбужденный, он велел звать рудокопов и копать рядом. В разрушенном виде жила выростала рассыпчатой кварцевой горкой. Из нее черпали лопатами и клали в приемник вашгерда.

Тут, — указал он, опять оглядевшись вокруг, и уткнул каблуком. — Хочу тут! И вот тут!.. — указал он рукой.

Работа кипела. Рудокопы кайлили, жалея о минувшем коротком золотом веке, шли глубже под землю. Рабочие на вашгерде собирали из кучи молотую руду, выливали в нее воду, химики заливали ртуть, чтобы улавливать «знаки» благородного металла. Но здесь как раз несколько новых извлекли не ртутью, а буквально из «азиатского ковшика», промыли в воде крошки руды и увидели их, да сразу же и поспешили к ожидавшему подле начальнику.

Вот и еще, стало быть, — сказал урядник, услужливо подавая золотинки и с какою-то досадой подтверждая. — Приметные!

Хозяин прииска вгляделся внимательней. Так и есть — более светлые, более колкие зерна, не то что коричневатая крупа песков. «Боже мой! — защемило в сердце, перехватило в шее, он запустил пальцы под воротник. — Я прав!» — он направился к шахтешке до рудокопов и ждал, пока из двух заложенных по его указке шурфов одновременно не доложили:

Барин! До аршина, пожалуй, все кварц тут, с золотинками...

Как есть со знаками-частками! (Рабочие о смысле работы теперь догадались.)

Он склонился над шахтешкой и неуверенно, будто в раздумье, сказал: «Удача?» — как позвал. В ответ послышался смех. В этом смехе было что-то большее, чем азартное веселье. Здесь откликалась уверенность старого рудокопа, будто все он заранее знал, а ему, хозяину прииска, до сих пор ничего не сказал! «Может, вор?.. Может, они тут молчком про себя наворовали уже из жил? Воры, подлецы!..»

Отступив, он, еле сдерживая нервную дрожь, сказал как можно спокойней:

Заложите, братцы, еще несколько ямок. — И ушел, озадаченный, но и обрадованный открытием руды на своей дистанции. На другой день спозаранку Подвинцев, невыспавшийся и злой, предстал перед шахтенной. Она заметно увеличилась в размерах, в тесноте копошился при свете лучины человек с кайлом. Тщательное старание, излишняя добросовестность работника сейчас же вызвала новый признак подозрительности. Подвинцев грубо крикнул:

А ну, вылезай!

Помощники в стороне удивленно глядели на хозяина. Из дудки выполз на свет мужик с довольно приятной, не воровской, личиной. Подвинцев чуть смутился.

— Как звать тебя, весельчак?

Известно, — тот улыбнулся чуть виновато, но с вызовом, — Удачей назвали. А имя Егор. — Он опять улыбнулся при этом широкой улыбкой; показалось, такой мог отщипнуть шляпку гвоздя. Крепок, зубаст и довольно нахален.

Что, и теперь есть желтые частки?

Нету, подевались обратно, — сказал Удача Егор. — То-то что удивляюсь. С утра как под землю сошли.

Подвинцев чуть не задохнулся. «Или врет? Так лучше бы и соврал. А если правда, то это удар судьбы...»

Весь тот день молотили руду, мыли в бутаре, искали золото в желомейках.

Подвинцев велел принести ему вина и хлеба и не отходил от рабочих. С вашгердов принесли золото, его было крайне мало. Гораздо меньше, чем на добыче в песках. Но все-таки было. Он с облегчением вздохнул. Наворовать тут никто бы не смог — легче дается в песках. Он оставил рабочим недопитое вино, а работы велел продолжать и впредь...

Миновал год, жилы давали рудное золото. Но рассыпное давалось легче, с затратами куда меньшими. Только не стало

покоя хозяину приисков. Повелел он накопать шурфов на Ново-Троицком прииске. И была встречена там вторая жила. Случилось это событие в 1863 году.

Три четверти века спустя ученый исследователь напишет: «Верхние горизонта этой жилы представляли сильно разрушенный до состояния мелкого песка материал. Отработку этой жилы вели способом, общепринятым для обработки песков из россыпей, то есть на вашгерде. Выход кварцевой гали, с головки вашгерда, был очень богатым, так как содержал сростки золота с кварцем». Теперь, когда за три дня принесли до его казны целых шесть фунтов золота, Подвинцев велел передать рабочим, что придет с подарками и в ином. Утром он сам пришел к шахте, но его встретил разочарованный бригадир. Егор Удача стоял, как когда-то, слегка растерянный, но и бледный. Ни грамма золота вновь не было в шахте, хотя прокопали еще с пять аршин, стараясь на барина — заслужить от него подарков, вина.

Нету, барин, — сказал он, разведя руками. — Ушла наша удача.

«Наша?! — Подвинцев сжал кулаки. — Воры! Подлецы!» Он чувствовал, как пот выступил на лице, выдавая негодование и бессилие власти его над сокровищем гор. Он посмотрел вокруг в лица работников. В них было больше мудрости, чем у него. Они не требовали ничего от природы. Они поклонялись ей.

Он велел помощникам снять с подводы корзины с едой, две фляжки вина.

Отслужим, барин, — услышал напоследок, когда с досадой стегнув коня, зло, без добра покидал рабочих.

Являлась другая эпоха, будто старое доброе рудное золото напоминало, что в свое время оно прежде песошного существовало не зря! Помнили, как от жильного нажились на «валявшееся» под ногами рассыпное золотишко, а теперь вот сызнава заглянули в глубины полузабытые. Да и то! Верхний пласт, он что? — с вершок до аршина, реже поболее, а рудник — он всегда устремляется в бездонные кладовые. Там ищи! Найдешь — будет тебе долгая удача!

Егор Удача не забывал о своем обещании. Через 4 года судьба вновь повелела ему вернуться на прииски Подвинцева, и, придя на старое место, он углубился в шахту на Успенском прииске. Через неделю-другую на глубине аршин в пять он кайлил особенно твердый кварц, когда увидел, что в Шахту стал поступать приток воды. Но в тот самый час он уже вынул кусок с явным признаком золота. И стал копать до последнего, пока вода все же совсем ни одолела его и ни выволокла из затопленного разреза. Он стоял, тяжело дыша, но ошастливленный находкой. Грудка кварца с золотыми частками переливалась драгоценным состоянием.

Шел 1867 год. Как раз тем временем Подвинцев встретил третью свою жилу на Екатерининском прииске (район нынешней шахты «Трифоновская»). Обнаружена жила была вся в разрушенном состоянии. Подвинцев велел изучить ее повнимательней. Да и жила ли это?

Действительно, здешнее золото до сих пор промывалось на чаше, и «земля золотиносная» принималась всеми за россыпь, ее разрабатывали разрезом глубиной до 30 метров. Но у Подвинцева, имевшего опыт рудного поиска, все же не оставалось сомнений в главном; тут где-то — огромный массив, а вдруг не хуже, чем в самом Березовском!

Упорство Подвинцева в поисках богатой золотой жилы на Южном Урале, наконец, увенчалось полной победой. Золота в рудах оказалось столь много, что на Екатерининском он со своим братом заложил шахту «Екатерина» и устроил ее капитально. Начало рудной промышленности на Кочкаре было положено отныне раз и навсегда.

В радости и довольстве пребывал Подвинцев, строя великие планы на будущее. Золото само шло к нему в руки, и теперь он в это уверовал. Когда слуга открыл дверь и, войдя, доложил неуверенно: «Барин, до вас Удача, мужик...», — он не сразу сообразил, что речь шла о старом знакомом старателе-рудокопе.

Удача? Полно загадок!

С Успенского, барин.

Зови! — он подобрался и одернул сюртук. Он ждал каждого сообщения с Успенского прииска, он уверовал, что отовсюду должны поступать к нему только хорошие вести.

В дверях он увидел крепкого закаленного человека, но не вестового. В отопках, в посконной одежде стоял рабочий. В глазах его светилось нахальное довольство всей своей сутью, как в том, полуистершемся в памяти образе молодого старателя, что дважды так страшно расстроил его!

Постой, постой... Удача? Господи! Ну, ну, здравствуй, — сказал хозяин, делая шаг навстречу. Что-то в выражении усталых глаз Егора указывало: малый пережил совсем не веселые времена. Лет, пожалуй, пять миновало, как оставил он парня на прииске с вином да закуской и как тот сказал: «Отработаем, барин!» Да как потом он, Подвинцев решил вдруг избавиться от него, горе-Удачи. Подвинцев помолчал, разглядывая его. «Без тебя-то у меня веселее дело пошло!» — думал он, невольно с беспокойством подбравшись. А что как опять теперь в землю провалится металл драгоценный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.